На правах рукописи

НЕГРАШ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

РУССКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Научная специальность:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Автореферат

диссертации на соискание научной степени

кандидата филологических наук

Москва

2026

Работа выполнена на кафедре журналистики и литературного образования филологического факультета государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Научный руководитель: **Слободнюк Сергей Леонович**, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и литературного образования филологического факультета ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Официальные оппоненты: **Осьмухина Ольга Юрьевна,** доктор филологических наук (10.01.01), профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»;

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук (10.01.01), доцент кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования **«Новосибирский государственный педагогический университет».**

Защита состоится «25» сентября 2026 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета 75.2.076.01 при ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А, ауд. 314. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А и на сайте https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet. Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet и https://vak.minobrnauki.gov.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета 75.2.076.01
кандидат филологических наук, доцент С. С. Царегородцева

Общая характеристика работы

Русская приключенческая проза первой трети XX века до сих пор остается недостаточно изучена в научном дискурсе. Георгий Пилиев подчеркивает: «История Русского приключенческого романа ещё не написана, истоки и пути развития этого жанра в нашей литературе не исследованы, многие произведения этого направления и их авторы либо ещё не выявлены, либо прочно забыты и ждут своего пытливого исследователя»[1]. Во многом это связано с социально-культурными аспектами, революционными событиями в нашей стране в начале XX века, когда на смену одному господствовавшему мировоззрению пришло принципиально иное, советское, из-за чего в литературоведении долгое время было невозможно объективно разобрать несоответствовавшие новой идеологии русские приключенческие тексты начала XX века с героями, имеющими религиозное, мистическое или мифологическое мировоззрение.

По мнению В.П. Булычевой, «до революции 1917 года приключенческая литература во многом копирует образность и сюжет зарубежных авантюрных произведений, активным элементом становится развлекательность, ориентированная на массового читателя. После революции 1917 года в Советской России авантюрно-приключенческие романы создаются в контексте действующей идеологии»[2]. И далее: «Однако были произведения, отражающие индивидуально-творческое мировоззрение автора, презентовавшие читателю яркий, особенный и фантастический мир с вымышленной топонимикой. Безусловно, это, в первую очередь, проза А. Грина»[3]. Соглашаясь с тем, что действительно были тексты, «отражающие индивидуально-творческое мировоззрение автора», все-таки нельзя отнести большинство текстов Александра Грина, при всех их несомненных достоинствах, к жанру классических приключений, в них зачастую слишком силен фантастический элемент. Корнелий Зелинский даже назвал вымышленные края писателя «Гринландией» в статье «Грин» (1934): «И вот, отказавшись в открытом идеологическом бою защитить свою «Гринландию», Грин находит иной путь защиты — лирический»[4].

Д.Д. Николаев указывает: «Условия, в которых развивалась русская литература в 1920-1930-е годы, во многом определяли различия в мировоззрениях писателей. Сами по себе философские и идеологические разногласия — явление, характерное и для русской литературы девятнадцатого века, но в двадцатом веке, особенно после революционных событий 1917 г., они приобретают иное значение, переходят из области “отвлеченного” в разряд

---

[1] Пилиев Г.К. Михаил Волконский и его «романы действия»: [Послесловие] // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 475.

[2] Булычева В.П. Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте // Гуманитарные исследования. 2015. №4 (56). С. 127.

[3] Там же. С. 128.

[4] Зелинский К. Грин // Красная Новь. 1934. Книга 4 (апрель). С. 201.

“практического”»[5]. Русские авторы пытались примирить традиции с современными реалиями. При этом выходило множество откровенно слабых, эпигонских текстов как из-под пера писателей, оставшихся в России, так и эмигрантов. Здесь следует отметить, что продолжали публиковаться и типичные подростковые приключенческие книги, созданные по всем канонам подобной литературы рубежа XIX-XX веков. Некоторые авторы позже нашли в себе смелость признать недостатки собственных произведений, к примеру, Аркадий Гайдар писал: «Худшая моя книга — это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная»[6]. Впервые повесть «Всадники неприступных гор» (также известна под названием «Рыцари неприступных гор») вышла полностью в 1927 г., фрагменты издавались в 1926 г.

В 1920-х гг. наступила эпоха военных приключений, книг о Гражданской войне и «красного Пинкертона», а также «белого» ответа на него, производных от «пинкертоновщины»[7] начала XX века. В тени этой «магистральной линии» в приключенческом жанре оказались самобытные, сильные с художественной точки зрения тексты, выполненные в западной традиции. Эти вещи зачастую оказывались на периферии литературного процесса, они нечасто упоминаются в научном дискурсе.

Анализируя многочисленные обзоры, рецензии, заметки, статьи и монографии, в рамках данного научного исследования делается попытка выявить самобытные тексты вне эпигонского массива, военных приключений и «пинкертоновщины». Рассматривается период от начала века и до Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году.

Актуальность темы обусловлена противоречием между растущим интересом к отечественным приключенческим текстам, пересмотру их роли и места в русской беллетристике первой трети XX века и лакунами в научном дискурсе.

Объект исследования: отечественная приключенческая проза первой трети XX века, отвечающая жанровым, мотивно-тематическим и сюжетным канонам мировой приключенческой литературы. Вне подробного рассмотрения остались жанровые разновидности произведений, относящихся к господствовавшей в ту пору «пинкертоновщине» (в том числе «красному Пинкертону» и «белому» ответу на него), а также авантюрно-героическая проза, связанная с военной тематикой, включая книги о Гражданской войне.

Предмет исследования: поэтика приключенческого текста и его мировоззренческая проблематика.

---

[5] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. С. 652-653.

[6] Цит. по изд.: Гайдар А.П. Обыкновенная биография в необыкновенное время // Гайдар А.П. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. М.: Детская литература, 1972. С.9.

[7] Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «“ПИНКЕРТОНОВЩИНА” — уничижительное обозначение разновидности массовой литературы о похождениях знаменитых сыщиков в борьбе со злодеями-преступниками. Название «П.» происходит от имени американского сыщика Аллана Пинкертона (Pinkerton, 1819-84), выходца из Шотландии, основавшего в 1850 в Чикаго первое Национальное сыскное агентство в Америке». См.: А.Н. «Пинкертоновщина» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 746.

Гипотеза исследования заключается в том, что в первой трети XX века были написаны самобытные приключенческие тексты вне господствовавших в ту пору «пинкертоновщины», в том числе «красного Пинкертона» и «белого» ответа на него, военных приключений вообще и книг о Гражданской войне в частности, выдержанные в традиции классической приключенческой литературы и привносящие нечто новое или редко встречающее в жанре.

Материалом послужили русские приключенческие тексты первой трети XX века: «Восемь племен», «Жертвы дракона», «На озере Лоч» («На озере Лоче») В.Г. Тана-Богораза, «Сокровище Родины» и «Капитан “Дедалуса”» («Капитан корабля “Дедалуса”») М. Волконского, «Смелая жизнь» Л. Чарской, «Путешественники» Л. Кормчего, «Океан-кормилец», «Доктор Черный», «Из мрака» А. Барченко, «В горах Даурии» («Золотоискатели в горах Даурии»), «Король тайги» и «На вольной земле» П. Белецкого, «Финикийский корабль» В. Яна, «Земля Санникова» В. Обручева, «Сказание о граде Ново-Китеже», «Злая земля» и «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца, «Государство Солнца» Н. Смирнова, «Ост-Индия» С. Шервинского и др.

Цель диссертации: проследить закономерности развития русской приключенческой прозы первой трети XX века; выявить жанровую специфику ее поэтики в соотнесенности с мировоззренческими установками эпохи.

Чтобы достигнуть заявленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

— исследовать взаимосвязь историко-социальных факторов и мировоззренческую типологию персонажей отечественных приключенческих произведений первой трети XX века;

— выявить концептуальные схождения и расхождения между западной и отечественной приключенческой прозой;

— определить особенности эволюции картины мира героев отечественных произведений;

— установить основные приемы поэтики, используемые в формировании мировоззренческой семиосферы приключенческого текста.

Методы исследования. В диссертационном исследовании использованы метод целостного анализа литературного произведения, системно-типологический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также применены методики мифопоэтического и интертекстуального анализа, отвечающие поставленным задачам и цели.

Методологическую основу исследования составляют работы «Время Шамбалы» А.И. Андреева[8], «Детская литература в первые десятилетия советского периода» И.Н. Арзамасцевой[9], «Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети» Б.А. Бегака[10], «Свет малых голландцев»

[8] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 384 с.

[9] Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода / 37-й Всемирный конгресс Международного совета по детской книге (IBBY). 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20221201225730/https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletiya-sovetskogo-perioda (дата обращения: 12.06.2024).

[10] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. 95 с.

Е.В. Витковского[11], «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» В.М. Головко[12], «В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество» Н.Ф. Кулешовой[13], «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа» М.Э. Маликовой[14], «В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники» В.В. Мароши[15], «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза» Д.Д. Николаева[16], «Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов» О.Ю. Осьмухиной и Е.П. Овсянниковой[17], «Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице» Н.Н. Пуряевой[18], «Русский модернизм и палеофантастика» Е.П. Сошкина[19], «Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего» Б. Хеллмана[20], «Массовая литература XX века» М.А. Черняк[21], «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» М. Швартца[22], «Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века)» Е.Ю. Шестаковой[23] и др.

Степень разработанности проблемы исследования. В первые два десятилетия XX в. большинство трудов, посвященных русским авторам приключенческого жанра, представляли собой короткие рецензии, как, к примеру, рецензия на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого Г. Петри (1913-1914)[24]. Однако уже в начале века были несколько развернутых статей, в которых отмечались сильные черты произведений В.Г. Тана-Богораза, то, как он мастерски изображает древних людей, и здесь в

---

[11] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338-350.

[12] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150-166.

[13] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. 112 с.

[14] Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. №3 (103). С. 109-139.

[15] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. Том 5. № 3. 2017. С. 807-825.

[16] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. 688 с.

[17] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №6. С. 2079-2085.

[18] Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 224-233.

[19] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55 [Электронный ресурс]. URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения 12.06.2024).

[20] Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 20-45.

[21] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. 432 с.

[22] Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. 684 p.

[23] Шестакова Е.Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) // Филологический класс. 2006. № 16. С. 27-30.

[24] Петри Г. [Рец. на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] // Что и как читать детям. 1913-1914. №3 (дек.). С. 26.

первую очередь следует назвать работу «И.А. Тан (литературный портрет)» Л. Мовича (Л.З. Марковича) (1904)[25].

В 1920-1930 гг. появились труды, в которых делались попытки комплексно рассмотреть русскую приключенческую прозу, особо отмечу статью «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» Я. Рыкачева (1929)[26]. Но они, во-первых, не охватывали весь корпус приключенческих текстов первой трети XX века, а во-вторых, анализировали их с точки зрения главенствующей в ту пору идеологии, осуждая произведения, в которых религия и царизм не порицались. Ведь в советские годы произошла переоценка ценностей, изменилось мировоззрение. Были в те годы и критические работы, авторы которых пытались объективно оценить творчество отдельных писателей или их тот или иной роман, те же рецензии С. Обручева на роман «Государство Солнца» Н. Смирнова (1928)[27] и на III и IV тома собрания сочинений В.Г. Тана (Тана-Богораза) (1929)[28].

Нельзя сказать, чтобы в последующие несколько десятилетий русская приключенческая проза первой трети XX века вообще не исследовалась, но в основном это были критические и критико-биографические статьи («Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») И. Рахтанова (1937)[29], «Борис Житков» Л. Чуковской (1957)[30] и др.), порой отдельные приключенческие тексты рассматривались в трудах, посвященных иным направлениям в литературе, так, в монографии «Русский советский научно-фантастический роман» А.Ф. Бритикова (1970)[31] упоминается «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца, но Бритиков не разбирает этот текст подробно.

В 1975 г. вышла монография «В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество» Н.Ф. Кулешовой[32], в которой предпринята попытка всесторонне проанализировать творчество писателя, отмечается особенность мировоззрения его героев, но Кулешова не делает акцента на значении его произведений о доисторических временах для жанра приключений, хотя и сравнивает «Жертвы дракона» с романом «Борьба за огонь» Ж.-А. Рони-старшего, входящим в цикл «Дикие времена», впрочем, ошибочно указывая, что тот вышел на два года позже романа Тана-Богораза, в 1911 г.: в 1911 г. было первое книжное издание, журнальное появилось еще в 1909 г. Кулешова игнорирует сюжеты остальных произведений из цикла «Дикие времена», не учитывает, что они публиковались с 1880-1890-х годов. Не говорит Кулешова и о тематической близости «Восьми племен» произведениям американских авторов об индейцах.

---

[25] Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №45 (4 нояб.). Стб. 1651-1656.

[26] Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 87-91.

[27] Обручев С. [Рец. на «Государство Солнца» Н.Г. Смирнова] // Печать и революция. 1928. Кн. 6. С. 214-215.

[28] Обручев С. [Рец. на III и IV тома собр. соч. В.Г. Тана] // Печать и революция. 1929. Кн. 1. С. 142-143.

[29] Рахтанов И. «Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») // Детская литература. 1937. №12. С. 11-15.

[30] Чуковская Л. Борис Житков // Пионер. 1957. №9 (сент.). С. 58-62.

[31] Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. 448 с.

[32] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. 112 с.

В 1979 г. была издана работа «В мире приключений (Приключенческая литература для детей)» Б.А. Бегака[33], спустя несколько лет, в 1985 г., появилась ее переработанная версия под новым названием «Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети»[34]. Бегак делает акцент на воспитательной ценности приключенческих произведений для подрастающего поколения и поэтому не затрагивает тексты, ориентированные исключительно на взрослую аудиторию, не предпринимает он и попытки оценить в комплексе русские работы именно первой трети XX века, рассматривает и западные, и отечественные образцы; в числе прочих отмечает приключенческие книги Н. Смирнова и позднюю, переработанную для юношества версию «Сказания о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца.

В 1986 г. появилась еще одна большая работа, посвященная жанру, — «В мире приключений» А.З. Вулиса[35]. Вулис освещает жанр во всем его многообразии, В.П. Булычева высказала следующее мнение о книге Вулиса, с которым сложно не согласиться, она справедливо указала на ее достоинства и недостатки: «В ней исследователь последовательно рассматривает специфику художественного пространства, художественного времени, тип героя, а также одним из первых анализирует феномен тайны как жанрообразующего понятия в приключенческой литературе. При всей значимости этого исследования оно не претендует на исчерпывающий характер, а кроме того, в силу поставленных в работе задач выявления самых общих закономерностей, исследователь привлекает крайне обширный материал: как русскую, так и мировую литературу от XIX до середины XX века, — и никак не касается вопросов специфики русской приключенческой литературы в рамках конкретной национальной культуры или исторической эпохи»[36]. Впрочем, задолго до А.З. Вулиса Виктор Шкловский в статьях «Новелла тайн»[37] и «Роман тайн»[38], вошедших в его сборник «О теории прозы» (1925)[39], исследовал роль тайн в сюжетной литературе.

В 1990-м году Н.Н. Родионова в труде «Советская приключенческая повесть (проблемы типологии жанра)»[40] рассмотрела книги о Гражданской войне, об охране границ, шпионские истории, детективы и т.п. В 2006 г. увидела свет монография «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза» Д.Д. Николаева[41]. В монографии Николаева едва ли не впервые в истории отечественного литературоведения сделана попытка

---

[33] Бегак Б.А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей). М.: «Знание», 1979. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература». № 3).

[34] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. 95 с.

[35] Вулис А.З. В мире приключений. Поэтика жанра. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.

[36] Булычева В.П. Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-4. С. 1000.

[37] Шкловский В. Новелла тайн // Шкловский В. О теории прозы. М., Л.: Круг, 1925. С. 97-111.

[38] Шкловский В. Роман тайн // Шкловский В. О теории прозы. М., Л.: Круг, 1925. С.112-138.

[39] На обложке книги название дано как «Теория прозы», а на титульном листе как «О теории прозы».

[40] Родионова Н.Н. Советская приключенческая повесть (проблема типологии жанра): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. М., 1990. 15 с.

[41] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. 688 с.

настолько всеобъемлюще изучить русскую массовую литературу 1920-1930-х гг., однако в ней автор не уделяет достаточного внимания историко-приключенческому жанру, который тогда был широко развит, хотя и указывает, в частности, характерные особенности того же «красного Пинкертона». Нет у Николаева и подробного разбора именно приключенческих текстов 1901-1919 гг.

Следует отметить, что не только Николаев акцентировал особое внимание на феномене «красного Пинкертона», но и ряд других исследователей — в качестве примера достаточно назвать труды «Массовая литература XX века» М.А. Черняк (2007)[42] и «Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature» Джеффри Брукса (2020)[43].

В 2014 году увидела свет еще одна монография — «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» Маттиаса Швартца[44], которая, как и следует из названия, посвящена советской приключенческой и фантастической литературе 1917-1953 гг. Взгляд Швартца — взгляд иностранца — весьма любопытен, тем более что он собрал обширнейший материал, в частности Швартц подробно анализирует в разделе «Das Ende der Schmuggelware — Der Schriftstellerkongress 1934»[45] роль Первого Всесоюзного съезда советских писателей 1934 года в развитии массовой литературы. Но Швартц, в силу самой тематики его труда, часто отклоняется в сторону от жанра классических приключений.

Также следует упомянуть серию статьей о приключенческой литературе в самом широком смысле этих слов В.П. Булычевой — «Русская приключенческая проза первой половины XX века» (2013)[46], «Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа» (2014)[47], «Сказка в русской приключенческой прозе первой половины XX века» (2014)[48], «Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте» (2015)[49] и др. Но Булычева в рамках приключений рассматривает и сказочную прозу, и фантастику о путешествиях в другие миры, и ряд произведений иных жанров, то есть наряду с «чистыми» приключениями

---

[42] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. 432 с.

[43] Brooks J. Chapter 7. Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature // The Edinburgh History of Reading. Common Readers / ed. by Jonathan Rose. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. Pp. 137-156.

[44] Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. 684 p.

[45] Schwartz M. Das Ende der Schmuggelware — Der Schriftstellerkongress 1934 // Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. Pp. 275-303.

[46] Булычева В.П. Русская приключенческая проза первой половины XX века // Lingua Mobilis. 2013. №4 (43). С.24-32.

[47] Булычева В.П. Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа // Фундаментальные исследования. 2014. №8-4. С. 998-1002.

[48] Булычева В.П. Сказка в русской приключенческой прозе первой половины XX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. №2. [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12545 (дата обращения: 12.06.2024).

[49] Булычева В.П. Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте // Гуманитарные исследования. 2015. №4 (56). С. 125-131.

изучает и «Аэлиту» А. Толстого, и «Бегущую по волна» А. Грина, и др. В статье «Поэтика приключенческой прозы первой половины XX века» (2013)[50] Булычева уделяет особое внимания произведениям В. Каверина и А. Грина. Но лучший роман Каверина «Два капитана» в первой версии вышел в 1938-1940 гг., а у Грина, как уже говорилось ранее, зачастую важную роль играет фантастический элемент. В отличие от статей Булычевой, в данном диссертационном исследовании рамки сужены: во-первых, изучен период первой трети XX в.; во-вторых, делается попытка отделить собственно приключенческую литературу от прозы, имеющей атрибуты других жанров, то есть рассматриваются условно «чистые» приключения, выполненные в традиции классических произведений Э. Сальгари, Р.Л. Стивенсона, К. Мая и др.; в-третьих, многие из разбираемых приключенческих текстов у Булычевой вообще не упоминаются.

В 2010-2020-х гг. вышло несколько критических и биографических статей, посвященных тому или иному автору и его книгам: Н. Бичехвост написал статью «Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким» (2014)[51], Е.В. Витковский в «Свете малых голландцев» (первая ред. 1991 г.; вторая ред. подготовлена в 2015 г., издана в 2016 г.)[52] разобрал роман «Ост-Индия» С. Шервинского, а В.М. Головко, оценив и мой вклад в осмысление истерна[53], представил развернутую атрибутику жанра в работе «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» (2023)[54] и др. Некоторые исследователи разбирают отдельные направления в жанре — к примеру, М.Э. Маликова в статье «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа» (2010)[55] рассматривает, соответственно, псевдопереводные романы, а Е.П. Сошкин в «Русском модернизме и палеофантастике» (2020)[56] анализирует разнообразные тексты о доисторических временах — пьесы, стихи, а также приключенческие произведения. О.Ю. Осьмухина изучает романы воспитания и перевоспитания в серии статей: «Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.)» (2024, в соавт. с Е.П. Овсянниковой)[57], «Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов» (2024, в соавт. с Е.П.

---

[50] Булычева В.П. Поэтика приключенческой прозы первой половины XX века // Проблемы современной науки и образования. 2013. №2 (16). С. 124-127.

[51] Бичехвост Н. Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким: [Послесловие] // Белецкий П. Золотоискатели в горах Даурии. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В. по заказу ООО «Фаворит», 2014. С. 324-328.

[52] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338-350.

[53] Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] // Белецкий П. Король тайги. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 478-486.

[54] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150-166.

[55] Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. №3 (103). С. 109-139.

[56] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55 [Электронный ресурс]. URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения 12.06.2024).

[57] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №1. С. 40-44.

Овсянниковой)[58], «Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг.» (2025, в соавт. с Е.П. Овсянниковой)[59] и др.

Нельзя также не упомянуть, что ряд исследователей рассматривают отдельные приключенческие тексты в трудах, посвященных совсем другим вопросам, как А.И. Андреев в книге «Время Шамбалы» (2002, 2004)[60], где он подробно изучил дилогию «Доктор Черный» А. Барченко, придя к выводу, что в ней отражается «теософско-буддийское мировоззрение Барченко»[61]. Однако если оценивать в целом всё литературное наследие Барченко, то справедливее было бы назвать его мировоззрение мистико-религиозным, так как в большинстве его текстов нет буддийских мотивов.

Имеются и работы, посвященные истории той или иной книжной серии, в рамках которой публиковалась приключенческая проза, допустим, «Назовем его “Всемирный следопыт”» А. Караваева (2020)[62], но в этих трудах не делается попытки изучить мировоззрение героев русской приключенческой прозы первой трети XX века.

В настоящем исследовании акцент делается не только на мировоззрение, но и на поэтику.

Учитывая, что в последние годы были выявлены новые сведения по истории жанра, были извлечены из архивов и частных коллекций многочисленные тексты и опубликованы или как минимум оцифрованы, невозможно говорить о том, что феномен русской приключенческой прозы первой трети XX века полностью изучен.

Научная новизна заключается в том, что:

1. впервые в научном исследовании выявлен целый ряд самобытных, значимых с художественной точки зрения приключенческих произведений первой трети XX в. вне военных приключений, события которых разворачиваются в XX в., книг о Гражданской войне и «пинкертоновщины», включая «красного Пинкертона» и «белого» ответа на него, отмечены особенности их поэтики и мировоззрения;

2. впервые рассматривается феномен переходных текстов в русской приключенческой прозе первой трети XX века, то есть произведений, которые невозможно отнести к эпигонским в силу наличия в них национальных черт, но в то же время нельзя считать подлинно самобытными, так как в них слишком много заимствований из трудов предшественников;

3. многие тексты впервые подвергаются анализу в аспекте поэтики и мировоззрения — «Путешественники» Л. Кормчего, «Океан-кормилец» А. Барченко, «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца и др.

---

[58] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №6. С. 2079-2085.

[59] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг. // Новый филологический вестник. 2025. №3 (74). С. 214-225.

[60] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 384 с.

[61] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 39.

[62] Караваев А.В. Назовем его «Всемирный следопыт». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. 268 с.

Теоретическая значимость работы определяется возможностью применения результатов диссертации в исследованиях русской приключенческой прозы XX-XXI вв., в исследованиях по эволюции жанра и при изучении наследия отдельных авторов, отдавших дань приключенческой прозе.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты диссертации можно использовать в преподавании истории русской литературы XX столетия, а также при разработке спецкурсов по литературоведческим дисциплинам, в частности — по истории жанров.

Положения, выносимые на защиту:

— Авторы отечественной приключенческой прозы этого периода зачастую опирались не только на классические западные произведения, но и на тексты своих русских предшественников. В качестве яркого примера можно привести роман «Король тайги» П. Белецкого, в котором прослеживается влияние и западной прозы, и русской литературы, причем не только классической, но и криминальных романов Г. Хрущова-Сокольникова.

— В тени откровенно эпигонских и переходных текстов остались несколько по-настоящему сильных с художественной точки зрения и уникальных по своему содержанию крупных произведений, выдержанных строго в западной традиции приключенческой литературы. Это и повесть «Океан-кормилец» А. Барченко, в которой изображена жизнь мурманских промышленников, и «Злая земля» и «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца о далеких русских окраинах, и ряд других текстов.

— Стремясь осознать меняющуюся действительность, в это кризисное для страны время авторы приключенческого жанра зачастую спорили друг с другом на страницах книг, изображая героев с принципиально разным мировоззрением. Так, героиней повести «Смелая жизнь» Л. Чарской движет желание послужить Родине, она восторгается царём, а ребята из книги «Путешественники» Л. Кормчего жаждут приключений, о которых читали в книгах, при этом Кормчий осторожно критикует существующий строй.

— Переосмысление истории, характерное в целом для послереволюционной отечественной исторической литературы, нашло отражение и в историко-приключенческих текстах. В том же романе «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца совмещены переосмысление нашей истории и фабула о затерянном мире, а в повести «Финикийский корабль» В. Яна царь Соломон предстает далеко не таким мудрым, каким его принято считать.

— События, произошедшие в первой трети XX века в нашей стране, не могли не повлиять на писателей приключенческого жанра, из-за чего в их текстах стало появляться больше неоднозначных персонажей, а сами произведения нередко были ориентированы в первую очередь на взрослых читателей. В качестве примера можно привести и «Восемь племен» В.Г. Тана-Богораза, и «Ост-Индию» С. Шервинского, и др.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были представлены на международных научных конференциях «Пушкинские чтения-2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст,

медиатизация», «XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника» (2023) и «Пушкинские чтения-2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст». Кроме того, при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей был подготовлен справочник «Иные тропы. Путеводитель по приключенческой литературе» (2023)[63], в котором дана краткая информация о многих писателях приключенческого жанра, в том числе отечественных начала XX века: имя, годы жизни, основные произведения и их темы, без анализа текстов, но с зачастую упоминанием авторов, работавших в схожей тематике, а также тех, кто продолжал классические книги. По теме диссертационного исследования опубликовано шесть научных статей, включая три в журналах из списка, рекомендованного ВАК.

Структура диссертационной работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников. В списке использованной литературы 429 наименований. Общий объем диссертации 254 страницы.

Во *введении* раскрывается тема исследования, ее новизна и актуальность, говорится об объекте и предмете диссертации, определяются цель и задачи, перечисляются материалы исследования и его методологические основы, указываются методы исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость, называются положения, выносимые на защиту, рассматривается история вопроса и приводится апробация результатов исследования.

Первая глава «Пути развития русской приключенческой прозы первой трети XX века в социокультурном контексте эпохи» состоит из трех параграфов.

В параграфе *«1.1. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века»* рассматриваются пути развития русской приключенческой прозы в первой трети XX века, упоминаются основные направления, подчеркивается влияние как общей политики государства, так и отдельных идеологов 1920-х гг. — Н. Бухарина, А. Луначарского и др., отмечаются историко-техническая приключенческая повесть «Черные паруса» Бориса Житкова, роман «Кремень и кость» Евгения Лундберга, а также существование нескольких редакций «Берунов» («Русских робинзонов») Зиновия Давыдова. В параграфе показывается, что, невзирая на популярность военных приключений, книг о революциях, «пинкертоновщины» вообще и «красного Пинкертона» в частности, обилия эпигонских книг, то есть невзирая на массовый запрос и идеологический заказ, приключенческая проза как начала XX века, так и в послереволюционный период, до Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г., характеризуется разнообразием тем, методов и подходов, герои произведений, как и их авторы, придерживались разного мировоззрения, были писатели, пытавшиеся сказать новое слово в жанре. Немало сильных с художественной точки зрения работ

[63] Неграш С.В. Иные тропы. Путеводитель по приключенческой литературе. СПб.: Северо-Запад, 2023. 340 с.

этого периода по тем или иным причинам, зачастую идеологическим, оказались забыты или же прошли незамеченными.

В *параграфе «1.2. Специфика переходных текстов: от эпигонства к самобытности»* приводятся примеры эпигонских приключенческих произведений, а также романов, являющихся переходными текстами между эпигонскими и самобытными работами, указывается влияние на русских писателей цикла о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла, «Двадцати тысяч лье под водой» Жюля Верна, «Заколдованной земли» Карела Глоуха и пр. Из русских произведений упоминаются работы о Шерлоке Холмсе Петра Орловца (Дудорова) и П. Никитина, романы «Сокровище Родины» и «Капитан “Дедалуса”» («Капитан корабля “Дедалуса”») Михаила Волконского, «Земля Санникова» Владимира Обручева, «Под знаменем “Башмака”» Ал. Алтаева (Маргариты Ямщиковой), «Остров Погибших Кораблей» Александра Беляева и др. Отмечается существование псевдопереводных романов, таких как «Красавица с острова Люлю» (1926) Пьера Дюмьеля (Сергея Заяицкого).

В *параграфе «1.3. Художественное своеобразие русской подростковой приключенческой прозы первой трети XX века»* показывается, насколько разные мировоззрения существовали в подростковой приключенческой литературе и как она менялась на протяжении трех десятилетий на примере «Смелой жизни» Лидии Чарской (Чуриловой), «Путешественников» Л. Кормчего (Леонарда Пирагиса), «Красных дьяволят» Павла Бляхина и «Финикийского корабля» Василия Яна (Янчевецкого); прослеживается путь от книг, положительно оценивающих царский режим или осторожно критикующих его недостатки, к работам о Гражданской войне, а от них к историко-приключенческой прозе, в которой переосмыслялось прошлое и образы известных исторических личностей, к примеру, царя Соломона в повести «Финикийский корабль» В. Яна.

Как видно из *первой главы,* ситуация в первые годы XX в. в русской приключенческой прозе мало чем отличалась от происходящего в западной литературе, если не считать того, что отечественные писатели опирались не только на лучшие западные образцы, но и на популярные отечественные конца XIX века. Были книги как осуждающие царизм и религию, так и прославляющие их, в чем выражалось мировоззрение авторов и их героев. Стало появляться больше и иронически-приключенческих текстов — те же романы «Сокровище Родины» и «Капитан “Дедалуса”» («Капитан корабля “Дедалуса”») М. Волконского. Сочинялись и работы о затерянных мирах, в качестве примера можно назвать «Колыбель человечества» Михаила Первухина.

Но если развитие русской приключенческой прозы начала XX века, до Октябрьской революции, вполне сопоставимо с тем, что происходило в западной, то в последующие годы разница значительная. В нашей стране в ту пору на первый план выходит созданный во многом благодаря идеологу Н. Бухарину жанр «красный Пинкертон», в рамках которого трудились авторы, не уехавшие за рубеж. Писатели-эмигранты либо продолжали сочинять зачастую эпигонские тексты, либо выдавали свой ответ «красному Пинкертону» — в настоящее время издатели именуют подобные тексты «белым Пинкертоном». Однако, в этот период выходили и самобытные, сильные с художественной

точки зрения приключенческие книги вне «пинкертоновщины», военных приключений, книг о революции, и переходные тексты, которые нельзя считать эпигонскими, но и затруднительно отнести к самобытным. Характерным примером переходных текстов является «Земля Санникова» Владимира Обручева, написанная под влиянием «Заколдованной Земли» Карела Глоуха.

Вторая глава «Проблемы поэтики и мировоззрения в русской приключенческой прозе 1901-1917 годов» состоит из трех параграфов, в ней рассмотрены самобытные приключенческие тексты начала XX века, до 1918 года.

В *параграфе «2.1. Мифопоэтика романов «Восемь племен», «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч» В.Г. Тана-Богораза»* речь идет о приключенческих произведениях писателя, посвященных доисторическим временам. Еще с начала XX века исследователи отмечали, что В.Г. Тан-Богораз, много общавшийся с северными племенами, научился понимать их мифологическое мировоззрение и сумел достоверно передать его в своих текстах. Лев Мович (Л.З. Маркович) так писал о романе «Восемь племен»: «…не «этнографический» материал ценен нам в этом романе, а душа поэта, сумевшая так глубоко проникнуть в коллективную душу восьми племен, заставить нас переживать зарождение истории на заре человечества»[64].

Но если в «Восьми племенах» автор строго придерживается мифологического мировоззрения северных племен, то в романе «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч» («На озере Лоче») он уже прибег к приемам модернизма, заимствуя имена из разных языков и мифологий. К примеру, если рассматривать имена героев повести «На озере Лоч» («На озере Лоче»), то имя Аслан явно взято из тюркских языков и означает «лев», а Низея, судя по всему, пришло из греческой мифологии, так звали нереиду, одну из дочерей морского божества Нерея и океаниды Дориды.

В параграфе отдельно рассматриваются как сходства, так и различия трудов В.Г. Тана-Богораза с близкими по тематике западными образцами. Так, его роман «Восемь племен» сравнивается с концептуально родственными ему работами об индейцах Джеймса Уилларда Шульца. И в произведениях Тана-Богораза, и в работах Шульца делается особый акцент на мифологическое мировоззрение дикарей, и всё же, невзирая на отдельные близкие элементы, роман Тана-Богораза значительно отличается от трудов Шульца. Во-первых, в «Восьми племенах» нет выходцев из цивилизованных земель, о русских здесь и не слышали, в работах Шульца зачастую фигурируют представители «цивилизованных» стран. Во-вторых, роман «Восемь племен» более натуралистичен — к примеру, герои прибегают к разлагающейся плоти мертвеца в одном из обрядов. В-третьих, использована другая мифология: Шульц опирается на верования американских племен, а Тан-Богораз — на легенды чукчей и прочих северных народов.

---

[64] Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №45 (4 нояб.). Стб. 1655.

Что же касается романа «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч» («На озере Лоче»), то на первый взгляд может показаться, что они мало отличаются от произведений западных авторов, того же цикла «Дикие времена» Ж.-А. Рони-старшего и Ж.-А. Рони-младшего. Интереснейшим явлением в жанре роман «Жертвы дракона» делает то, что, реконструируя быт и обычаи наших предков, автор живописует, как именно они воспринимали мир — через призму верований, где колдовство играет значимую роль.

В *параграфе «2.2. Мистико-религиозное мировосприятие в произведениях А. Барченко»* акцент делается в первую очередь на дилогию «Доктор Черный», состоящую из одноименного романа и его продолжения «Из Мрака», а также на повесть «Океан-кормилец». Александр Барченко рассматривал мистику (оккультизм) как науку, имеющую свои строгие правила, такую же как, к примеру, физика, что нетипично для приключенческого жанра. В этом заключается мировоззрение доктора Черного, героя одноименной дилогии. Обычно в приключенческой литературе все мистические элементы объяснялись либо фиглярством, либо настоящим колдовством, как в произведениях Г.Р. Хаггарда из циклов об Аллане Квотермейне и Айше, либо, напротив, имели научное истолкование. Примером последнего может служить роман «Ледяной сфинкс» Жюля Верна, прямое продолжение «черной робинзонады» «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара Аллана По.

В параграфе отмечается пересечение мотивов ряда западных приключенческих текстов и произведений Барченко. Так, его повесть «Океан-кормилец» рассматривается как ответ на «Отважных капитанов» Редьярда Киплинга. Между этими произведениями много общего. И у Барченко, и у Киплинга главный герой — сын богатых родителей, но если у Киплинга Гарвей — изначально капризный, избалованный подросток, то у Барченко Василий — сразу смелый, честный и работящий юноша. У Киплинга Гарвей сваливается за борт парохода, у Барченко Василий — теряет дорогу зимой, оба попадают к рыбакам, но Гарвей проводит с ними время от безысходности — у него нет шанса вернуться домой до окончания лова, а Василию неоднократно представляется возможность уехать к родне, но он по своему желанию остается с промышленниками. Гарвей перевоспитывается, а Василий лишь становится крепче физически и начинает лучше понимать мурманских промышленников. Отличие повести «Океан-кормилец» от западных образцов и ее ценность состоят в том, что автор в увлекательной форме достоверно изобразил нравы русских промышленников, зачастую используя для создания соответствующей атмосферы «северные» диалектизмы: падуны (водопады»), кережка (санки) и др.

В *параграфе «2.3. Нравы таежных бродяг в приключенческой прозе П. Белецкого»* говорится о том, что Белецкий, используя приемы западного вестерна, написал произведения о Русском Севере — истерны. То есть перед нами динамичные тексты, с погонями, поисками золота и дикарями. При этом у его героев — таежных бродяг — обыденное мировоззрение. В.М. Головко в работе «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» указывает на родство романов П. Белецкого и произведений Э.С. Эллиса и Джека Лондона: «Для всех сочинений Белецкого характерна органическая

взаимосвязь социальной актуальности и сюжетной увлекательности, силы аналитической мысли автора и завораживающих воображение читателей событийных коллизий. Писатель владел мастерством держать неослабное читательское внимание на протяжении всего текста произведения. В его художественном творчестве отчетливо выражена тенденция к совмещению двух стилевых линий: социально-бытового реализма и бытописи, наполненной приключенческой занимательностью, сценами максимально активного действия («Король тайги», «Золотоискатели в горах Даурии», «Таежный бродяга», «Людоеды» и др.), что придавало идиостилю Белецкого неповторимое своеобразие. В этом отношении у него были литературные примеры, т.е. образцы художественного дискурса других писателей, опыт которых им вполне мог учитываться. Прежде всего можно назвать имена популярных американских прозаиков Э.С. Эллиса и Д. Лондона»[65].

Но произведения Белецкого имеют общие черты не только с упомянутыми выше книгами Э.С. Эллиса и Д. Лондона. Есть множество романов западных писателей о поисках залежей золота, интересно сравнить «В горах Даурии» Белецкого с «Ледяным адом» Луи Буссенара, первой частью дилогии «Жан Грандье», второй его частью является роман «Капитан Сорви-голова». В «Ледяном аду» герои ищут золото на Клондайке, они тоже стремятся к колоссальным залежам золота, и это роднит «Ледяной ад» и «В горах Даурии». Жан Грандье, один из персонажей «Ледяного ада», в романе «Капитан Сорви-голова» использует часть этого золота на благо буров, вступивших в войну с англичанами, за свой счет вооружает созданный им и возглавленный отряд Молокососов. Но Жан Грандье, прозванный Сорви-головой, в «Ледяном аду» изначально даже не думает ни о чем таком, а Большой Лама из «В горах Даурии» сразу ищет золото с целью применить его в неком «большом деле». В «Ледяном аду» есть фантастический элемент — прибор, указывающий на золото, роман «В горах Даурии» подчеркнуто реалистичен, если не считать упоминания об утерянных в ходе катастрофы загадочных чертежах и планах из «Вступления» к «Королю тайги», благодаря этому «Вступлению» романы объединяются в цикл. «В горах Даурии» Белецкого отличается от «Ледяного ада» Буссенара, как и от многих других приключенческих книг о поисках золота в суровых северных условиях, русским колоритом, красочным описанием тайги и введением такого персонажа, как Тулупиха, развращенная барыня.

Что же касается повести «На вольной земле» Белецкого, то в ней акцент в большей мере делается на быт и трудности, с которыми сталкиваются поселенцы на Русском Севере, нежели на собственно приключения.

Следует особо подчеркнуть, что для создания как можно более достоверных картин Русского Севера Белецкий использует «сибирские» диалектизмы: поты (переметная сума), бродни (сапоги) и др.

Таким образом, как видно из *второй главы*, в 1901-1917 гг. в русской литературе были писатели, сумевшие сказать нечто принципиально новое в

[65] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 152-153.

приключенческом жанре. Основываясь на личных впечатлениях и «книжной премудрости», В.Г. Тан-Богораз, Александр Барченко и Павел Белецкий находили новые подходы и темы в жанре. Их герои значительно отличались друг от друга по мировоззрению, это связано и с событиями, происходившими в стране, и с личными интересами авторов, и с тем, как складывались их судьбы. Авторы прибегали к разным приемам поэтики для достижения своей цели — создания увлекательных текстов.

Третья глава «Поэтика и проблематика русской приключенческой прозы 1918-1933 годов» состоит из трех параграфов, в ней рассмотрены самобытные приключенческие тексты, вышедшие после Октябрьской революции и до Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году.

В *параграфе «3.1. Революционные мотивы в историко-приключенческих произведениях М. Зуева-Ордынца»* в первую очередь разобраны романы «Сказание о граде Ново-Китеже», «Злая земля» и повесть «Гул пустыни». Зуев-Ордынец обращался к темам, мало представленным в западной приключенческой прозе тех лет; если даже они там и встречаются, то зачастую описываются недостоверно. Хоть он выдержал «Сказание...» в духе классических романов о затерянных мирах, его герои оказываются не в очередной долине с динозаврами, как в известном романе Артура Конан Дойла, а в городе староверов в дебрях тайги, и там происходит столкновение мировоззрения революционно настроенных современников писателя и мировоззрения староверов, в конце концов выливающееся в открытое противостояние. При этом в «Сказании…» много диалектизмов, помогающих создавать атмосферу XVII века, в которую попали герои: напалок (перстень), большина (власть) и др.

В «Злой земле» описывается последний год владычества русских на Аляске, а в «Гуле пустыни» развиваются идеи, заложенные еще в ориентальной прозе Николая Каразина. Важно отметить, что герои романа «Злая земля» и повести «Гул пустыни» весьма неоднозначны, и это также выделяет данные тексты из общего ряда приключенческой прозы. Но если главные герои «Злой земли» способны на благородные поступки, хоть и утаивают важные сведения от русских властей в основном по идеологическим причинам, из ненависти к царизму, то корнет Коростовец, главный герой «Гула пустыни», — фигура еще более сложная, это не классический антигерой, ради наживы убивающий людей, и не обаятельный преступник, свойственный плутовским романам. Коростовец — жалкий, корыстный, подлый трус, желающий казаться другим лучше, чем он есть на самом деле, даже лучше, чем они. В «Гуле пустыни» Зуев-Ордынец использует множество «туркестанских» диалектизмов: те же сарбаз (солдат), бача (мальчик, ребенок), тюря (начальник, господин), барантачи (разбойники) и пр.

Неоднозначность персонажей, доходящая до крайности ненависть к царизму вообще и царской колониальной политике в частности отличают ранние редакции историко-приключенческих произведений М. Зуева-Ордынца, позже «Сказание…» и «Злая земля» были значительно переработаны, фактически

автор сочинил новые произведения на те же темы. При этом советскую колониальную политику автор поддерживал.

В *параграфе «3.2. Утопическая тема в романе «Государство Солнца» Н. Смирнова»* говорится об особенностях указанного романа автора. «Государство Солнца» Смирнова выделяется на фоне многих других книг тем, что сверхзадачей авантюриста Бенёвского (в книге дан под именем Беспойск) является не просто исследование и основание колонии, а поиск и устройство именно утопического государства, Государства Солнца, по образцу, описанному в книге «Город Солнца» («Государство Солнца») Томмазо Кампанеллы (1568-1639), что нетипично для серьезной, не пародийной историко-приключенческой литературы для юношества о реальных исторических личностях. Отмечу, что фамилия этого известного авантюриста переводилась на русский не только как Бенёвский, но и как Бениовский, Беньовский, Беньёвский и Бенёвски.

Вообще, о Бенёвском написано немало работ как художественных, так и публицистических, они выходят до сих пор. Разные авторы по-своему представляли авантюриста Бенёвского, многое испытавшего и повидавшего за свои годы. В.В. Мароши подчеркивает: «Русские источники с первой трети XIX в. изображают Беневского не библейским Моисеем, который вывел своих спутников из пустынь Камчатки и океана в цивилизованную Европу, а демоническим соблазнителем, использовавшим простодушных русских как сообщников мятежа и побега»[66]. Среди авторов, которых Мароши приводит в пример, есть В.Н. Берх. И действительно, в работе «Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию» В.Н. Берха, на которую ссылается и Мароши, говорится: «Время уже объяснить средство, которое употребили Беньевский и Хрущев склонить в свою пользу такое большое число людей. Они уверили всех, что недалеко от Камчатки лежит остров, изобилующий золотом до такой степени, что легко нагрузить оным весь корабль»[67]. Всё тот же Мароши справедливо пишет: «В советское время фигура «борца за свободу» была переоценена радикальным образом, а сам Беневский, так и оставшись авантюристом, превратился в поклонника утопии Т. Кампанеллы в романе Н. Смирнова. Колониально-утопический вектор намерений Беневского Смирнов своей художественной интуицией уловил довольно точно, хотя объяснялись они отнюдь не чтением Кампанеллы»[68]. Причем Смирнов дает взгляд на деяния известного авантюриста через призму восприятия мальчика Лёньки Полозьева, чье мировоззрение на протяжении романа меняется, эволюционирует. Лёнька сначала понимает, что не так-то просто достигнуть заветного утопичного края, а затем, осознав, что его нет, приходит к выводу, что его можно попытаться построить, правда в итоге из этой затеи так ничего и не выходит. В романе Смирнова, писавшего в ранние годы существования СССР, нашла отражение идея создания справедливого государства, в чем проявилось его мировоззрение.

---

[66] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. Том 5. № 3. 2017. С. 809.
[67] Берх В. Н. Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию (начало) // Сын Отечества. 1821. №27. С. 16.
[68] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. Том 5. № 3. 2017. С. 809-810.

В *параграфе «3.3. Колониальные взгляды «среднего» человека в романе «Ост-Индия» С. Шервинского»* разбирается единственный роман писателя. Шервинский, видевший ужасы революции и Гражданской войны, изображает, как постепенно меняется мировоззрение «среднего» человека в погоне за наживой, как он постепенно превращается в негодяя. Причем главный герой — голландец, а сами события происходят в Ост-Индии.

Роман Шервинского тематически близок антиколониальной прозе западных мастеров. Его можно сравнить с «Нена Сагибом» Джона Ретклиффа (Германа Гёдше). И там, и там авторы критикуют антиколониальную политику, в подробностях описывают, как европейцы чудовищно поступают с коренным населением. И у Ретклиффа, и у Шервинского мировоззрение персонажей претерпевает трансформацию. И Ретклифф, и Шервинский показывают события реалистично, без идеализации.

Сама фабула — путешествие героя в поисках богатства в чужие страны, в данном случае — в Ост-Индию, — типична для приключенческого жанра. Среди массы приключенческих текстов как отечественных авторов, так и зарубежных роман выделяет и тщательная проработка характеров персонажей, и великолепное знание реалий XVII века, и в первую очередь тот факт, что в «Ост-Индии» нет ни одного исторического персонажа. Последнее необычно для антиколониальной историко-приключенческой прозы, в которой часто выводятся реальные исторические лица. На эту особенность романа указывал и Е.В. Витковский в работе «Свет малых голландец»: «...в нем нет ни единого персонажа, взятого собственно из истории»[69].

Таким образом, в *третьей главе*, как и в первых двух, демонстрируется, какое разное мировоззрение было как у писателей, так и у героев их книг. В 1918-1933 гг. некоторые отечественные авторы, как и зарубежные, продолжили писать приключенческие тексты, выдержанные в традиции классики жанра. Но если зарубежные авторы обычно играли по «старым правилам» — и таковыми являются даже лучшие созданные ими в этот период тексты, допустим, «Одиссея капитан Блада» Рафаэля Сабатини, то отечественные писатели, кроме всего прочего, занимались переосмыслением собственной истории. Д.Д. Николаев подчеркивает: «Изменения, происходящие в русской исторической прозе в метрополии после революционных событий 1917 г., связаны с привнесением «новой тенденциозности». В наиболее общей форме новая тенденциозность определяется словом «переосмысление». Если в предшествующий период развития литературы к истории обращались чаще всего в поисках «урока», то на этапе становления советской литературы писатели выступают скорее в качестве «учителей». Долгое время в метрополии «переосмысление» связано с тотальным или частичным отрицанием национального прошлого. Отрицание это проявляется двояко: либо отвергается вообще все, что происходило до начала «третьего этапа освободительного движения», либо отвергается все, кроме выступлений против власти.

[69] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338.

Социальные конфликты переосмысляются в духе новой идеологии, нравственные конфликты — в духе новой морали; «переоценка ценностей» зачастую доходит до абсурда. Задача «развенчания» самодержавия понималась иногда настолько буквально, что любые силы, боровшиеся с «царской» Россией, показывались с симпатией»[70].

Эти процессы шли не только в исторической прозе, но и в историко-приключенческой. Именно таким переосмыслением являются «Сказание о граде Ново-Китеже», «Злая земля», «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца и история о поисках, а затем попытке создания справедливой страны «Государство Солнца» Н. Смирнова. Причем в «Сказании…» Зуев-Ордынец сумел гармонично совместить классическую фабулу о затерянном мире и переосмысление отечественной истории. Не удивительно, что в этот период прошел практически незамеченным антиколониальный историко-приключенческий роман «Ост-Индия» С. Шервинского, обращавшийся к далекому зарубежному прошлому, к путешествию голландца в Ост-Индию.

В **Заключении** сформулированы результаты исследования, а также намечены перспективы дальнейшего исследования.

С 1901 по 1917 гг. были герои с разнообразным мировоззрением. Нередко у них было противоположное мировоззрение: так, героиня «Смелой жизни» Л. Чарской — девушка, восторгающаяся царем и жаждущая сражаться за Родину, а ребята из «Путешественников» Л. Кормчего просто хотят пожить жизнью, описываемой в классических приключенческих книгах, при этом автор исподволь осторожно критикует существующий строй. В эти же годы выходили приключенческие тексты, у героев которых было и мистико-религиозное мировоззрение, как у доктора Черного из одноименной дилогии А. Барченко, и обыденное, как у таежных бродяг П. Белецкого, и даже мифологическое, как у персонажей произведений о доисторических временах В.Г. Тана-Богораза.

В послереволюционный период наряду с такими положительными героями, как мечтающий о справедливой стране Лёнька из «Государства Солнца» Н. Смирнова, были и неоднозначные персонажи, как в «Злой земле» М. Зуева-Ордынца, и откровенные негодяи, как в его же повести «Гул пустыни» и романе «Ост-Индия» С. Шервинского. Причем Зуев-Ордынец и Шервинский описывают странствия негодяев с определенной целью: благодаря им они стремятся ярче изобразить свое отрицательное отношение к старому колониализму, в случае с Зуевым-Ордынцем — именно к царской колониальной политике, советскую колониальную политику он приветствовал, что видно по первым редакциям «Сказания о граде Ново-Китеже».

Авторы самобытной русской приключенческой прозы часто прибегали к диалектизмам, чтобы придать достоверности художественному миру. А. Барченко использовал «северные» диалектизмы в «Океане-кормильце» — падуны (водопады), кережка (санки) и др. П. Белецкий ввел в тексты «сибирские» диалектизмы: поты (переметная сума), бродни (сапоги) и др. В

[70] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. С. 663-664.

«Сказании о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца много устаревших слов, помогающих создавать атмосферу XVII в., в которую попали герои, и подчеркивающих контраст между жителями затерянного града и современниками автора — напалок (перстень), большина (власть) и пр.; в его же «Гуле пустыни» есть «туркестанские» диалектизмы — сарбаз (солдат), бача (мальчик, ребенок), тюря (начальник, господин), барантачи (разбойники) и пр.

Следует подчеркнуть, что среди русских приключенческих текстов первой трети XX века было много переходных, которые нельзя назвать самобытными ввиду очевидного заимствования элементов из трудов предшественников, однако нельзя считать и эпигонскими, так как их авторы привносили национальные черты в свои творения. Яркими представителями таких переходных текстов являются полюбившиеся читателям «Остров Погибших Кораблей» А. Беляева и «Земля Санникова» В. Обручева.

В первой трети XX века мировоззренческие искания нашли отражение в русской приключенческой прозе. И хоть выходило множество слабых, эпигонских произведений, как до революции, так и после, появлялись переходные тексты, а также по-настоящему самобытные. Конечно, нельзя утверждать, что список значимых с художественной точки зрения, самобытных русских приключенческих текстов этого периода ограничивается разобранными в исследовании. Среди произведений того непростого времени, сохранившихся в архивах и частных коллекциях, вполне могут скрываться и другие уникальные тексты, которые еще только предстоит выявить и изучить в научном дискурсе.

Основное содержание и результаты исследования нашли отражение в шести научных публикациях автора общим объемом 3,55 п. л.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Неграш С.В. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века / С.В. Неграш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Том 15, №3. — С. 668-672. [0,58 п. л.]

2. Неграш С.В. Проблема самобытности в русской приключенческой прозе 1901-1917 годов / С.В. Неграш // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. — 2023. — №1. — С. 7-13. [0,74 п. л.]

3. Неграш С.В. Пути развития русской приключенческой прозы 1918-1933 годов / С.В. Неграш // Art Logos (Искусство слова). — 2024. — № 1 (26). — С. 44-58. [0,9 п. л.]

Публикации в других научных изданиях:

4. Неграш С.В. Русская приключенческая проза первой трети XX века: от эпигонства к самобытности / С.В. Неграш // Пушкинские чтения-2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация: материалы XXVII Международной научной конференции / отв. ред. С.А. Петрова. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. — С. 246-251. [0,38 п. л.]

5. Неграш С.В. Мировоззренческие аспекты русской подростковой приключенческой прозы начала XX в. / С.В. Неграш // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции: в 2 т. / под общей редакцией Л.М. Кобриной. — СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2023. — Т. 2. — С. 166-174. [0,59 п. л.]

6. Неграш С.В. Русская приключенческая проза первой трети XX века в зарубежном критическом дискурсе / С.В. Неграш // Пушкинские чтения-2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX Международной научной конференции, 6-7 июня 2024 г. / отв. ред. проф. Т.В. Мальцева. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. — С. 148-153. [0,36 п. л.]